Осколки камня, словно шрапнель разлетелись во все стороны, поражая не только стены с нанесенными на них древними живописными рисунками, но и магические щиты воздвигнутые полусферой самыми могущественными сан'лейн. Стоящая в авангарде Лана'тель и ее верные эльфы посылали заклинания за заклинаниями, желая покончить, наконец, с угрозой.

Волны бледной мертвенно-зеленой энергии обращали прочный камень в пыль, а неумолимая некромантия ловила души бывших творений титанов, заточая те в специальные тюрьмы, выбраться из которых было крайне сложно. Кровавые сгустки чередовались с ледяными шипами и локальными штормами, нанося урон даже самому прочному материалу.

Искажающие пространство раскаленные лучи оранжевой энергии вырвались из глазниц статуй стороживших вход в главный зал Чертогов Созидания, врезааясь в пошедший рябью багровый щит сан'лейн. Сосредоточенные лица бывших эльфов, не позволяющих себе расслабиться ни на мгновение, могли тысячу раз покрыться испариной, но мертвые тела не позволяли подобной роскоши, всегда оставляя кожу мертвецов идеальной — навечно застывшей в первозданной форме.

С момента проникновения в лабораторию титанов прошло всего несколько часов — за подобную скорость мертвые благодарили пленные души каменных големов, поведавших о внутреннем убранстве помещений и их расположении — но армия Плети уже несла огромные потери, усеивая полы древней святыни телами тысяч существ, окрашивая стены гнилой кровью, а воздух наполняя сладким смрадом Чумы — вновь поднимающей павших.

Воля Короля вела Лана'тель, вселяя в сердце эльфийки силы, превосходившие все ее ожидания, позволяя одной лишь волей возвращать в строй погибших, заставляя плоть разорванных на части мертвых срачиваться с любой доступной биомассой, порождая поистине омерзительные создания, что ведомы лишь одним желанием — разрушать.

Алые глаза Кровавой королевы были тверды, но крамольная мысль нет-нет, но билась в ее разуме, пульсируя раздражающей правдой, заставляя сжать зубы настолько сильно, что лишь немного не хватало до превращения их в крошево.

Она ошиблась.

Поспешила. Напала, не зная всех переменных. Не имея точного представления о силе противника, о всех возможностях, предоставляемых Чертогами своим защитникам.

Хотя всего не знали и сами Тол'виры, позабывшие все секреты лаборатории титанов спустя многие поколения.

Но незнание не облегчало плачевное положение.

Чертоги Созидания активировали протоколы защиты и пробудили древних защитников — големов огромной силы, чья магия выжигала все, что попадалось на пути, обращая плоть в пепел, не позволяя восполнять потери.

Подобных нюансов не могли поведать пленные души. Но на что-то полезное они все же сгодятся.

Алоглазая, ощутив запертые в пробужденных каменных телах самых древних защитников души, прищурила глаза и, вызволив из карманных темниц все доступные сущности, обратила те в энергию, в один миг, высвободив колоссальный объем магии. Жаль души после подобной экзекуции и насильственного преобразования полностью теряли свою суть, стираясь из мира,

без возможности переродиться.

Но она была готова пойти на столь ужасный поступок ради победы... Ради своего повелителя, открывшего перед казалась старой эльфийкой тайны мира, показавшего на каком маленьком островке знаний дрейфует она и весь Азерот, борясь со штормами океана неизведанного. Король дал ей все, чтобы выжить в буре неизвестности и быть готовой к появлению доселе незримого.

Формула в ее голове обрела физическое воплощение от насыщения энергией, порождая волну разложения, быстро достигшую целей, начиная обращать те в пыль. Но на древних созданиях магия не остановилась, шествуя дальше, вглубь лаборатории титанов, оставляя после себя лишь пустые коридоры.

Души тол'виров, ощутивших на собственной каменной шкуре всю мощь некромантии, тут же притянулись артефактами сан'лейн, не позволяя никому в радиусе доступности отправиться в Темные Земли и давая возможность королеве провести допрос, вызывая точное расположение всех ловушек и способы их отключения.

Но не сейчас.

— Моя королева, — усталый, но сосредоточенный голос Талдарама был подобен грому, разорвавшему образовавшуюся тишину. — Мы... идем дальше?

Лана'тель понимала причины подобного вопроса. Оглянувшись, девушка увидела, как сильно поредела армия вторжения, оставляя после себя едва ли десяток поганищ и в два раза больше мясных чудовищ — порождений Чумы. Ни скелетов, ни мертвых троллей, никого, кроме сан'лейн и упомянутых мертвецов. Чудовищные потери, докладывать о которых ей будет больно. Не физически, но морально, ведь она подвела своего повелителя, не совершив задуманного, потеряв ресурсы и отсрочив момент триумфа.

— Мы отходим ко входу. — процедила эльфийка сквозь зубы и приказывая мясным тушам прикрывать их отступление, ведь к их местоположению уже стекались отряды тол'виров, пугая возможностью задавить числом.

Стоило лучам светила попасть на холодную бледную кожу Кровавой королевы, руки ее начали движение, подчиняя потоки магии и разрывая пространство, порождая трещину, через которую в тот же миг принялись вытекать тысячи чудовищ.

Лана'тель опасалась манипулировать пространством внутри Чертогов, здраво рассудив, что те могли быть защищены от подобного изошренной магией титанов. К тому же, подобно манипуляция могла пробудить еще больше защитников, как отключить которых ей еще предстояло узнать.

Девушка положила руку на тюрьму душ и подняла ту на уровень глаз, подвесив в воздухе магией.

Она уже не обращала внимания на действия личей быстро принявшихся помогать сан'лейн поддерживать защиту и отбиваться от отрядов тол'виров, посвятив всю себя дознанию.

Первым подопытным стал тот, кого можно было назвать древним. Воля бывшего разумного голема была крепка, но даже она была не готова к тому, что уготовила Кровавая королева.

Опыты с пытками душ принесли свои плоды и с попустительства Короля Лича, Лана'тель

потратила тысячи жизней полу-разумных существ, которых отлавливал Ануб'арак. Души несметного для простых людей числа акиров сгнули в застенках кровавых лабораторий сан'лейн, остервенело ищущих способы получения не только информации от души и всех их знаний, но и превращения их в генераторы.

Они тратили множество ресурсов, чтобы получить хотя бы часть сил доступных их повелителю.

И преуспели в этом.

Души порождений древнего бога не были бездарно потрачены, напротив, эльфийка смогла создать заклинание, чье воздействие смогло приблизительно повторить влияние Шлема Господства и Ледяной Скорби. И стоило ей впервые успешно его применить, как она ощутила внимание своего Короля и толику его благодатных эмоций, омывающих ее разум подобно теплым водам безбрежного океана. Те эмоции полные неподдельного удовлетворения ее работой и довольства от лицезрения прошедшего ею пути она не забудет никогда.

Вырванная из темницы душа тщетно пыталась покинуть крепкую хватку королевы сан'лейн, меж пальцев которой начали формироваться причудливые узоры, переливающиеся небесно-голубым и кроваво-красным светом. Магия что покажется омерзительной не только магам Даларана, но и огромному числу живущих во вселенной рас, принялась разъедать волю древнего существа, планомерно, но достаточно быстро сминая природную защиту и открывая сломленный разум силе Лана'тель.

Как бы странно ей это не казалось, но титаны в силу одних им известных обстоятельств не стали создавать ментальную защиту своим творениям, благодаря чему не только ей и её Королю было достаточно просто подчинить големов, но и Древним Богам.*

Особенно Древним Богам.

Осадное положение Чертогов Созидания и непрекращающиеся магические битвы породили могучую магическую бурю, привлекающую внимание рамкахенов — потомков големов пораженных проклятием плоти и обретших свободу. Разумные кошки оказались достаточно умны и не приближались к месту военных действий, опасаясь попасть под раздачу. Но Лана'тель на них было плевать, покуда пушистые создания не проявляют заинтересованности к тому, что уже принадлежало ее Королю.

Портал открытый ею до сих пор соединял жаркую пустыню и ледяной континент, не переставая извергать все больше мертвецов. И вскоре ветер разнес смрад смерти на многие мили вокруг, отпугивая слабых духом животных и действуя на сильных монстров подобно предупреждению.

Души древних големов одна за одной досуха выжимались Кровавой королевой, заполняя ее разум новыми знаниями не только о языке каменных существ, но и о внутреннем строении помещений лаборатории, со всеми доступными выключателями ловушек и потайными путями.

Еще меньше времени на обдумывание последующих действий и краткий приказ Таладарму и прочим капитанам.

Лана'тель ухмыльнулась, ее рука крепче сжала поводки на окружающей ее нежити, а готовая сорваться с кончиков пальцев губительная магия требовала действий. Она узнала все что нужно, она готова к ответным мерам и полному уничтожению тех, кто противится. Разум эльфийки ликовал от ощущений едва заметного пригляда господина, наблюдающего за действиями подчинённой, и словно терпеливый учитель, нежно направлял ее силу и волю в

нужно русло, стоя незримой тенью за спиной.

Она уверена, что все получится, тол'виры падут так же, как нерубы, как в будущем падут акиры. Чертоги Созидания будут принадлежать Плети и никак иначе.

Переставшие представлять хоть какую-то реальную ценность плененные и допрошенные души обратились морем неудержимой энергии...

Эльфийка готова пойти на все ради победы.

... чтобы обрушиться на бывших сородичей неумолимой и ничего не разбирающей волной разложения.

Закованные в тяжёлые зачарованные латные панцири рыцари тяжело и стройно шагнули под каменные своды, смело ступая по праху бывших защитников.

— Артас, сынок. — положила свою кисть на руку младшего Менетила Амая, взглянув тому в глаза. — Все хорошо?

Подобный жест мог бы привлечь ненужное внимание, но благо они находились в библиотеке и были одни.

Некромант сфокусировал глаза на родившей его эльфийке и улыбнулся, сжав пальцы матери и поцеловав тыльную сторону ее ладони.

— Все хорошо. — его теплая улыбка смогла потушить не успевший разгореться огонь тревоги, вселив в волшебницу спокойствие. — Просто устал.

Пусть наблюдение за своим генералом, находящимся в далеком Ульдуме, не тратило много его сил, но поддержка собственными эмоциями и вселение уверенности путем прямого направления «руки и воли» выматывало морально, казалось, выжимало его словно старую тряпку.

Подобным он промышлял в редких случаях, когда сил у подчинённых было недостаточно для выполнения поставленной задачи.

— Оно и видно. — поджала губы Амая, присаживаясь на подлокотник кресла и обнимая сына, прижимая того к груди. — Выглядишь нездорово — бледность, темные круги вокруг глаз... Когда ты спал последний раз? Когда хорошо ел?

Родительная забота, тот тон, который могла использовать только любящая своего ребенка мать, не могли не повлиять на любящего родителей ребенка. Каким бы взрослым он ни был, Артас не хотел заставлять их волноваться... Пусть это и не всегда получалось.

— Всегда. — странно хмыкнув, выдохнул маг. — Уж не думаешь ли ты, что я пропущу обильную трапезу? Для этого нужно нечто поистине важное. — веселость в его голосе немного, но смогла утихомирить эмоциональный шторм волнения матери.

А в словах почти не было лжи. Жаль, что важного в последнее время было слишком много.

— Как обстоят дела в королевстве? — нарочито «гладко» решил сменить тему принц, стоило Амае разжать уютные объятия и пересесть в соседнее кресло. Он отложил лежащую на

коленях книгу с историей Аратора и, устроившись поудобнее, с готовностью уставился на женщину.

— Все так же. — поправила платье эльфийка. — За исключением... — театральная пауза заставила Артаса вздернуть бровь, уж очень это было нехарактерно для той Амаи, которую он знал. — Начавшегося штурма крепости имени Ариуса Катраной.

Новость была для младшего Менетила откровенно говоря неожиданной, потому поперхнувшийся маг не сразу нашелся с ответом, а наблюдающая за ставшим таким редким шоком на лице сына широко улыбалась.

— Это... новость. — выдавил некромант, удивляясь инициативности Ониксии, в лояльности которой он не сомневался, не после провиденной ментальной терапии. Но легким шоком оказалось появление у нее настолько положительных эмоций к его брату, хотя подобное не должно быть неожиданностью, особенно на фоне отданного им некогда приказа, подобный путь выполнения которого она могла посчитать наиболее оптимальным.

Легкое касание разума дракона и последующие глубинные его изучения смогли подтвердить теорию, но с небольшой оговоркой.

«Появление привязанности резонировало с приказом, породив настоящие чувства...» — единственное, что сейчас мог сделать Артас, это закрыть лицо ладонью. — «Как? Каким путем все это шло?» — незадаанные вопросы так и остались без ответа, но удовлетворённый искренностью Престор, Менетил не желал искать начало клубка, опасаясь запутаться.

— Это так необычно для тебя? — неправильно поняла тихий стон и закрытие лица некромантом Амая. — Ты думал, что он до старости будет один? Или тебя смущает Катрана?

— Нет. — качнул он головой. — Нет. Сама пойми, это... неожиданно. Я, конечно, видел, как они друг на друга смотрели, но... — маг замялся, подбирая слова. — Столько лет тишины и штиля на его любовном фронте казались мне несколько... намекающими.

— На что? — настала очередь Амаи удивленно поднять бровь.

Сам Артас вспомнил те времена, когда старший брат терялся на время в борделе или рассказывал о похождениях достойных их отца, и это помогало думать о нем скорее как о человеке незаинтересованном в отношениях, чем об индивидууме незаинтересованном в женщинах в принципе.

«Мнение о брате спасали бордели. Фантастика» — подумал маг и уже вслух продолжил. — На его слишком серьезное отношение к собственному будущему и будущему его королевства. — ложь, но ложь во благо. Артас не хотел думать, как сильно его ударит мать за такие мысли.

— М-да? — недоверчиво прищурила глаза Амая, понимая, что не вяжется ответ сына с последней его репликой. — Хм, ладно, поверю. Но думай он серьезно о своем положении, то уже успел бы подарить нам внуков. Наследников.

Кто о чем, а мать о внуках. Крестьянка ли, королева ли, все едино. Думал некромант, ища что-нибудь, чтобы обелить брата.

— Не всем хочется рано иметь детей. — не придумал ничего умнее маг. — Но смотри, он сейчас с Престор на стадии ухаживаний, так? — мать кивнула. — Вот! Еще немного и он подарит тебе внуков. Зная пробивной характер этой женщины, могу сказать, что тебя внуками

завалят. — усмехнулся полуэльф и мысленно отметил. — «Или ее драконье происхождение... Интересно будет узнать, что же родиться от союза «помазанника света» и прямого потомка аспекта». — одни лишь перспективы вызывали на его спине табуны мурашек. — «Наш род должен быть сильным. Они имеют все шансы превзойти родителей... Ониксия, тебе не отвертеться».

Поток планов и мыслей был прерван тактичным покашливанием, заставившим Артаса вернуться в реальность.

— Да-да? — надев самую милую и извиняющуюся улыбку, скривил губы некромант.

— А как дела у тебя?

— Не понял.

— Как продвигаются ваши... особенные отношения с Джайной и Сильваной? — пропела Амая, предвкушающе откровенно скалилась волшебница, в одних глазах которой можно было прочитать столько эмоций, что становится дурно.

Понимающий, что подобный вопрос все же будет задан, Артас выдохнул и откинулся в кресле, слегка прикрывая глаза и смотря на магическое пламя камина, способное согреть даже такую огромную библиотеку без труда.

— Ну что ж... — правая нога закинута на левую, а душа кричала о рюмке другой горячительного. Но чего нет, того нет, придется сыну отвечать на все вопросы матери аккуратно подбирая слова, а не отдаваться действию дворфийского пойла.

И было это скучно и грустно.

Хотя...

Две пары голубых глаз наблюдали за будущим королем Штормграда и тем, как с ним возится его учитель леди Престор.

Знакомство и нахождение общего языка Джайны, Сильваны с Катраной было быстрым. А выведать у штормградской львицы ее истинное отношение к брату их любимого — было делом едва ли пары минут.

Время, прошедшее в разговорах, пролетело, словно ядро пущенное из пушки.

— Прошу простить, уже поздно и мне нужно отвести Андуина в его покои. — кивнула блондинкам брюнетка и быстрым шагом направилась к играющему у пруда в замковом парке принцу, оставляя девушек одних на скамье.

Казалось сам мир замер в ожидании, затихли птицы и разлетелись раздражающе жужжащие насекомые.

— И вот мы одни. — ни к кому конкретно не обращаясь обронила Сильвана, задрав голову и взглянув на небо. — Давно не виделись, Джайна.

— Давно. — вздохнула Праудмур, понимая, что разговора не избежать. Ей и не хотелось его избегать, ведь их последний приватный разговор закончился не тем, чем они хотели. — Как

продвигается?

— Все... — не успела Ветрокрылая договорить, как двери в зеленый уголок замка шумно отворились. Но не только это привлекло их внимание.

— Нет-нет-нет-нет-нет... — повторял, словно мантру Артас, широко шагая, сокращая расстояние между собой и блондинками. — Нет-нет-нет-нет-нет... — голос его становился все громче по мере приближения, заставляя следопыта и волшебницу в шоке переглянуться и замолчать, полностью отвлекаясь от своего разговора. — НЕТ! — шагнул полуэльф сквозь кусты к поляне с лавочками и, прищурившись, продолжил. — Прежде чем вы спросите, не обезумел ли я, я отвечу — нет. Я успел!

— К чему? — вопросительно наклонила голову Сильвана, несколько раз удивленно моргнув.

— Мое чутье натренированное годами магических опытов в Даларане сигнализировало! Оно вопило, что если я не приду сюда, то что-то произойдет. — передернул маг плечами. — А тут вы... Оказывается.

— И ты решил, что наш разговор закончится плачевно? — уже Джайна не могла удержать лицо. — С чего бы это?

— Не знаю. — по унылости вздох принца мог обойти даже придыхание Иллидана, когда тот вспоминал о Тиранде сидя в своей одиночной камере. — Но чутью я привык доверять, особенно когда оно орет словно портовый грузчик, в момент контакта ноги с падающим ящиком.

Праудмур и Ветрокрылая переглянулись, ведя молчаливый диалог. Возможно, у них была особенная магия, способная переплюнуть даже Шлем Господства и его мироощущение, ведь результатом их немного разговора стало свободное место между девушками и утянутый за руки Менетил.

— Бедный. — положила голову на плече любимого Джайна, попутно сцапав правую руку и играя с его пальцами. — Побледнел, устал, заработался. Сколько ты спал? — ошеломленный таким напором Артас уставился на девушку, смотрящую ему в глаза снизу вверх.

— Что?..

— Тебе нужно отдохнуть, выспаться, сбросить пар. — на левое плечо легла Сильвана, сцепив свои пальцы с пальцами некроманта. — Понимаешь? — ее такие же, полные ожидания как у Джайны глаза смотрели в его льдинки.

— Я могу не спать неделями и прекрасно себя чувствовать. — удивленно ответил принц, пытаясь в темпе осознать что же значат их слова.

— Дорогой... — прикрыла глаза волшебница на пару со следопытом.

— Да что такое-то? — насупился маг.

— Ты умен. В некоторых местах даже гениален, спору нет. — её пальцы провели узор по тыльной стороне его ладони, призывая мурашки. — Но иногда так невозможно глупишь.

Ее свободная рука взмахнула и проломила пространство, отправляя троицу в покои принца.

— А сейчас, ты понял? — с придыханием прошептала ему в шею Сильвана, запустив руку под

шелковую рубаху и нежно проведя по торсу принца кончиками пальцев.

*

О чем говорить девушкам, чьим любимым является один человек?

В нормальной ситуации они бы либо плюнули на того, кто играл с их чувствами, либо заставили выбрать одну.

Но нынешняя ситуация, в которой застряли лучшая молодая волшебница Даларана и капитан Следопытов, выходила за рамки нормальной. Далеко за рамки.

Никто не желал уступать, никто не хотел уйти на второй план, задавливая собственные эмоции и душа любовь.

Именно нежелание все испортить направляло их туда, куда все пришло сейчас.

Сидящий на кровати Артас наслаждался теплыми губами девушек, покрывающими каждый дюйм его тела поцелуями, не забывая отвечать, доставляя удовольствие каждой из них. Его руки легко и привычно расстегивали ремешки на одежде Сильваны, одновременно оголяя идеальную кожу Джайны.

Он был ведущим, задавал темп, подстраиваясь под партнера, но всегда постепенно переступал черту, выходя за рамки возможностей человеческих и эльфийских тел, заставляя партнершу извиваться от экстаза, вонзаясь не в плоть, но душу, вызывая все новые и новые волны наслаждения, ввинчивающиеся в разум его жертвы. Он легко проникал под кожу Сильване, оставляя зарубки на ее душе, сильнее связывающие их.

Не избежала схожей участи и Джайна, поддавшись чарам некроманта и отдавшись душой и телом, позволяя творить с собой абсолютно все, наслаждаясь положением так же, как положением ведущего наслаждался ее избранник.

Да, Артаса Менетила легко можно назвать доминирующим, повелительным, господствующим над душой и телом. Его желания и воля пронизали красной нитью две души, подчиняя их без магии, без ритуалов или прочей чертовщины. Сотканная им нить — прочная, словно рожденные титанами, тюремные цепи древних богов — с каждым мгновением близости проникала все глубже, подобно змее, заставляя трепетать каждую частичку своих жертв.

Но сегодня, только в эту ночь, в этот миг для их маленькой вселенной все изменится. Господин и слуга поменяются ролями. Только в эту ночь хозяин даст возможность подчиненной душе взять на себя роль ведущего, передав второй конец поводка.

Нежные девичьи пальцы одновременно завязали вокруг кистей Менетила веревки аккуратными узлами, завершая своеобразный ритуал передачи власти.

Перед ним, оперев колени в кровать, стояли две самые прекрасные девушки в его жизни, ради которых он был готов ввергнуть весь Азерот в Бездну, превратить цветущий мир в некрополь или бросить вызов всем космическим силам разом.

Готов совершить невозможное, подобно признанному богами Гераклу из мифов возможно не существующих в этой вселенной.

Свет луны освещал комнату, нежно падая на три оголенных тела. Казалось, сама Элуна в этот

миг обратила на них свое внимание, вопреки всем законам природы делая помещение одновременно ярче и темнее.

Артас видел в глубине их глаз бесконечную любовь и преданность, видел все их желания, мечты, тревоги и печали. Вся их жизнь была перед ним словно открытая книга. Они были наги перед ним не только физически, но и духовно, снимая скорлупу, показывая настоящих себя, словно прекрасные бабочки покинувшие кокон.

Он видел абсолютно всё в глазах тех, кто принадлежит ему...

Нет. Сегодня он принадлежит им. Всецело и безраздельно.

Свет луны изогнулся мистическим образом, попадая принцу в глаза, но, не ослепляя, лишь отражаясь вместе с испытываемыми им эмоциями, становясь еще ярче.

Руки Джайны аккуратно легли на его грудь, выводя одной ей известные узоры, ее губы целуют его лоб, спускаясь ниже, до глаза, щеки, губ, шеи, груди, торса, даже не думая останавливаться на достигнутом. Одновременно с ней, губы и руки Сильваны играют с сильными и стройными ногами полуэльфа, находя доселе неизвестные чувствительные места и словно в насмешку над привязанным, обходя их стороной, едва касаясь.

Все это время голубые глаза волшебницы и следопыта неотрывно следили за глазами их принца, их Короля, Повелителя и хозяина. И только в эту ночь подчиненного.

Каждая секунда их сладостной пытки все сильнее разжигала пламя в глубине его глаз, превращая их из голубых светлячков в настоящие факелы колдовского огня, ярко светящие во тьме комнаты.

Поцелуй и губы Джайны все ближе к ее цели, спускаясь ниже и ниже.

Поцелуй и Сильвана поднималась все выше и выше, целеустремленно преследуя свою цель, словно хищник жертву.

Поцелуй, за ним еще один. Веревки на запястьях полуэльфа натянулись, а лицо исказилось от так и не покинувшего горло рыка.

Это не его ночь.

Их.

Мгновения что в жизни прошли незаметно, сейчас тянулись вечность. Но даже она имеет конец.

Теплые губы девушек одновременно касаются одного и того же места, заставляя мага вздрогнуть от такой долгожданной неожиданности, покрывая все его тело мириадом мурашек. Он не сдерживает стоны удовольствия, вырывающегося меж губ без участия затуманенного разума.

Не решающиеся останавливаться девушки могут лишь улыбнуться достигнутому результату, внутренне ликуя. Их мягкие губы порой соприкасаются, но это не вызывает дискомфорта, ведь сегодня они попробуют на вкус то, о чем и помыслить раньше не могли.

Маг открыл глаза, всматриваясь в происходящее и ловя взгляды волшебницы и следопыта.

Взгляды, которые они не отрывали не на миг с самого начала, желая выжечь в своей памяти все, что сегодня ночью происходит. Навсегда запомнить и унести с собой дальше, даже в другую жизнь.

Это будет долгая, но желанная ночь.

Ночь, свидетельницей которой будет одна лишь луна.

— ... нет-нет-нет... — повторяла безуспешно Амая, закрывая руками уши, но безрезультатно. Магия ее сына была сильнее и изощреннее, потому она слышала каждое его слово, ввинчивающееся в ее голову вопреки всему. — Нет-нет! Перестань! Артас! Я все поняла, ну хватит! — женщина едва не всхлипывала. Хотя, по мнению самого Менетила, делала это слишком наиграно.

— ... а потом, когда её язык сплетался с моим в страстном поцелуе, язык Силь порхал в умопомрачительных пируэтах, о которых, кажется, не знают даже дворфийские наездники на грифонах. — надев на лицо восхищенное выражение лица смешанное с почти осязаемым экстазом, вещал полуэльф, игнорируя крики матери. — В нашем распоряжении была вся ночь, — приукрашенные и откровенно говоря, выдуманные сцены были описаны им настолько детально, насколько ему позволял словарный запас.

— А-а-а! Я поняла, поняла! — взывала Амая, все так же, но уже не настолько заметно, фальшиво. Но вопреки напускным эмоциям, некромант мог заметить, как покраснели ее уши и едва заметно затрепетали, выдавая истинное эмоциональное состояние с головой. — Хватит уже описывать ваше... ваш...

— Акт высшего единения сущностей. Резонанс душ! — даже не думал прекращать издеваться полуэльф. — Но это ладно, ты послушай, что мы с Сильварной вытворяли, когда были одни в особняке. — его мечтательный тон так же был намеренно наигранным. — Тогда отец Силь — Сильвар вместе с Илмирой отправились на задание Анастериана куда-то далеко и надолго... — то, что Амая не прерывала его и молчала, уже говорило о многом. Особенно ярким признаком заинтересованности в рассказе было покраснение, спустившееся к шее. И плевать, что она в свое время с Теренасом вытворяла нечто похожее, ведь слышать подобное от своего же ребенка ей было стыдно. Но интересно.

И вот рассказ заканчивается на сочной ноте, завершая повествование о ночи с Джайной, обильно искажаясь большим количеством вымысла, о чем эльфийке знать не нужно, а сам рассказчик с довольной улыбкой смотрит в камин «предаваясь ностальгии».

— Ладно, я все поняла. — поправила платье и села выпрямив спину Амая, игнорируя ехидство в глазах Артаса, собственное покраснение и трепетание ушек.

— Что ты поняла? — «не понял» принц, пытаясь удержать лицо.

— Я больше не буду донимать тебя разговорами о личной жизни и... внуках. Ты итак судя по рассказам их стругать можешь без усталости. — последнее она прошептала себе под нос, надеясь, что сын не услышит.

— Да что ты, — инфантильно махнул рукой маг, все еще играя дурака. — Я всегда рад, когда ты так настаиваешь, что готов выложить все, вплоть до самых изысканных и пикантных подробностей. Особенно мне нравится момент, когда она сидит между моих...

— Хватит! — рыкнула, словно взбешенная львица Амая, удивляя младшего Менетила, поднявшего брови от подобного проявления гнева. — Кхм. Я давно поняла, что ты издеваешься надо мной, своей старой и слабой матушкой...

— Пфф... — сумел передать одним лишь этим все, что думает о такой «старости» и «слабости» полуэльф.

— ... и больше не буду настаивать на рассказах. — не обратила на фырк никакого внимания королева-мать. — Так что перестань. — ее взгляд обещал все кары небесные за ослушание.

— Как тебе будет угодно. — покладисто согласился некромант.

— Хорошо. — от чего-то голос эльфийки дрогнул. — Я, пожалуй, пойду... Мне нужно поговорить с Теренасом. Срочно. — направилась к выходу волшебница на негнущихся ногах. Ее воображение все еще страдало от чрезмерно графичности и детальности описываемых сцен, играя плохую шутку с ее разумом. — Где же... где же он был...

— Третий коридор налево. — отозвался Артас уже отправивший сообщение «матери плохо» отцу, потому тот уже летел к библиотеке.

Он ощущал, как она бросилась на мужа посреди коридора и незаметно для занятых родителей, перенес их прямо в опочивальню, дабы не травмировать нежную психику слуг или не приведи Свет Андуина.

— Как дети, ей богу. — хохотнул блондин, вновь открывая толстую книгу по истории человеческих королевств.

<http://tl.rulate.ru/book/46827/1329859>